

A man in a dark jacket stands in the rain, looking at a large fire burning in an industrial setting. The scene is dramatic, with heavy rain falling and bright orange flames consuming debris. The man is seen from the back, looking towards the right side of the frame where a large fire is burning. The background shows industrial structures and a dark, smoky atmosphere.

Евгений Романов

Пепел Милисы

Евгений Романов

Пепел Милисы

«Автор»

2025

Романов Е.

Пепел Милисы / Е. Романов — «Автор», 2025

Она умерла в огне. Он похоронил её пепел. А потом получил записку: «Милиса жива». Крис — бывший военный хирург, потерявший семью в загадочном пожаре пять лет назад. Он больше не живёт — существует. Пока на благотворительном ужине он случайно не нашел записку..

© Романов Е., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1. Огонь в доме	5
Глава 2. Начало поиска	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Евгений Романов

Пепел Милицы

Глава 1. Огонь в доме

Темнота – густая, как кровь, как пепел после пожара, и в этой тьме голоса, не настоящие, а те, что застряли между воспоминанием и кошмаром: «Скальпель... зажим... срочно дефибрилятор!» – команды, врезавшиеся в сознание, как шрамы, как эхо из Афганистана, где каждый день был битвой не на жизнь, а на смерть. Крис Уэйланд резко сел на кровати, хватаясь за грудь, будто сердце вот-вот вырвется наружу, дыхание – тяжёлое, с хрипом, как у раненого зверя, простыня – пропитана потом, а пальцы всё ещё дрожат от воспоминаний о скальпеле, о крови на перчатках, о криках, которые он так и не смог заглушить.

Милица: Крис...

Её прикосновение было тёплым, как первое утро после зимы, как луч света, пробивающийся сквозь тучи. Он повернул к ней лицо, и в полумраке, освещённом слабым светом уличного фонаря, просачивающимся сквозь шторы, она выглядела как живое воплощение покоя – тёмные волосы, рассыпанные по подушке, будто тень ночи, глаза – тёплые, карие, с искорками, как угли в камине, губы, чуть приоткрытые, будто готовые прошептать что-то, что вернёт его из прошлого.

Крис: Это был сон... Опять Афганистан.

Милица: Я знаю. Но ты здесь. Ты дома.

Дом. Слово, которое он долго не мог понять. Для него домом был полевой госпиталь, палатка из брезента, где пахло кровью, йодом и страхом, домом была армейская койка, на которой он засыпал с мыслью: «Сегодня я кого-то потерял». Но теперь дом – это стены из светлого камня, сад с розами, которые Милица ухаживала каждое утро, и детский смех, раздающийся из окон, как музыка, как доказательство того, что жизнь может быть прекрасной.

Крис: Я не должен был оставлять его... Того парня. Марка. Ему было двадцать один. Он смотрел на меня и говорил: «Доктор, я не хочу умирать». А я... я просто не успел.

Милица: Ты спас сотни, Крис. Ты не бог, чтобы спасти всех.

Крис: Но я хирург. Я должен был...

Милица: Ты сделал всё, что мог. И сейчас ты здесь. С нами.

Он прижался лбом к её шее, вдыхая запах – ваниль, лаванда и что-то ещё, что невозможно описать словами. Запах дома. Запах жизни. Через несколько минут дыхание выровнялось, и он почувствовал, как внутри, хоть на мгновение, стало легче.

Крис: Я люблю тебя.

Милица: Я тоже. И Элис тоже любит тебя.

При упоминании дочери внутри что-то сжалось – не от боли, а от нежности, такой острой, что почти больно. Элис – их маленькая вселенная, четыре года, но уже с характером, вчера она нарисовала их семью мелками на асфальте: дом с трубой, солнце с улыбкой, три фигурки с большими глазами. «Папа, это ты. Ты самый сильный», – сказала она, указывая на самого высокого. Он улыбнулся.

Крис: Завтра пойдём в парк?

Милица: Да. И купим мороженое.

Крис: Только ванильное.

Милица: Только ванильное.

Крис: Ты знаешь, что я люблю тебя больше всего на свете?

Милица: Знаю. И я вас люблю.

И в этот момент, в тишине их спальни, с тёплым светом и дыханием любимой женщины рядом, он почувствовал, что, может быть, всё-таки сможет жить дальше.

Два года. Всего два года прошло с тех пор, как он вернулся из Афганистана, оставил за спиной хирургию в пыльных палатках, кровь на песке, крики и запах гари. Он вернулся в Великобританию – не как герой, а как человек, сломленный, но ещё способный дышать. Милица ждала его. Она не сдавалась, когда он месяцами не отвечал на звонки, когда пропал в пабах, когда пытался утопить воспоминания в виски. Она просто ждала. И когда он, наконец, вернулся к себе, она взяла его за руку и сказала: «Теперь мы строим новую жизнь».

Они нашли дом – не просто дом, а мечту. Старинный коттедж в пригороде Лестера, с камином, садом, окнами, выходящими на холмы. Деревья, птицы, тишина. Дом, в котором каждый закат казался картиной, каждый рассвет – обещанием. Он устроился хирургом в частную клинику «Медикор» – высокий уровень, новейшее оборудование, уважение. Он снова держал скальпель, но теперь – в стерильной операционной, под ярким светом, без пыли и криков. Он спасал людей. Но внутри оставалась пустота.

Иногда, во время операций, он ловил себя на мысли, что не чувствует. Ни страха за пациента. Ни радости от успеха. Только механику. Резать. Шить. Заканчивать. Как будто его душа осталась там – в пыли Афганистана. Но с Милицой и Элис он пытался быть живым. Утром – завтрак. Элис с молоком, хлопьями и мультиками. Милица – кофе, газета. Он – тост и чашка чая, смотрящий на них, как на чудо. Вечером – камин. Книги. Иногда настольные игры. Элис любила «Монополию», хотя не понимала правила. «Папа, я купила Лондон!» – кричала она, хлопая по карте. «Это не Лондон, это Пикадилли-Серкус», – смеялся он. «А разве это не одно и то же?» Все смеялись. И в эти моменты он чувствовал, что, может быть, всё-таки стоит жить.

Но счастье – вещь хрупкая. Оно не держится в руках. Оно исчезает, как дым.

Это был обычный день. Крис стоял у операционного стола, зашивая рассечение аорты. «Скальпель...» – прошептал он, и ассистент тут же подал инструмент. «Зажим...» – и рука машинально потянулась за следующим. «Срочно дефибрилятор!» – крикнул анестезиолог. Монитор зашипел. «Фибрилляция желудочков», – констатировал хирург. «Подайте», – приказал Крис. Удар. Тишина. Ещё удар. И... ровная линия. «Восстановлен ритм», – сказал анестезиолог. Крис кивнул. «Продолжаем». Операция длилась ещё два часа.

Когда он вышел из операционной, сняв халат, его ждал звонок. Не служебный. Личный. Номер соседки. Анны. Он ответил.

Анна: Крис... я...

Крис: Что? Что случилось?

Анна: Твой дом...

Крис: Что с ним?

Анна: Там... взрыв.

Он замер.

Крис: Взрыв?

Анна: Да... газ... или что-то... пожарные уже едут... но... Крис... там... там Милица и Элис...

Время остановилось. В ушах зазвенело. Перед глазами – вспышки. Милица, смеющаяся у камина, её руки, обнимающие Элис. Элис, рисующая мелками, её голос: «Папа, смотри, я нарисовала нас!» Их смех. Их запахи. Их жизнь. Всё это – в доме, который сейчас горит.

Крис: Я еду.

Он бросил телефон, не переоделся, остался в хирургическом халате с пятнами крови на рукаве, сел в машину, двигатель завыл, и он помчался, как безумный, нарушал все правила, не видел светофоров, не слышал сирен. Через пятнадцать минут он был у дома. Но его уже не было. Только руины. Чёрные, обугленные стены. Дым, поднимающийся в небо. Полицейские машины. Пожарные. Люди в форме, стоящие молча. Глаза. Множество глаз. Взгляды. Сочувствие. Жалость.

Крис: МИЛИСААААААА! ЭЛИИИИИИИИИС!

Он выскочил из машины, бросился вперёд, полицейский попытался остановить его.

Полицейский: Сэр, туда нельзя!

Крис: ОТПУСТИТЕ МЕНЯ!

Он ворвался в руины. Пахло гарью. Пластиком. Плотью. Он упал на колени. И увидел. Два тела. Обгоревшие. Неузнаваемые. Но он знал. Он знал, кто это.

Крис: НЕТ... НЕТ...

Он пополз к ним, коснулся руки – холодной, твёрдой.

Крис: Милица... Элис... Я пришёл... я пришёл...

Он обнял их. Или то, что от них осталось. И плакал. Плакал так, как не плакал никогда. Как будто душа вырывалась наружу.

Полицейский: Сэр... вам нужно в больницу.

Крис: Нет.

Полицейский: Вы в шоке.

Крис: Я – хирург. Я знаю, что такое шок.

Полицейский: Пожалуйста.

Крис не сопротивлялся. Его увезли в «Скорой помощи». В ту самую клинику, где он работал. Его коллеги смотрели на него с ужасом. «Господи...» – прошептал один из хирургов.

Прошло двадцать дней.

Он лежал в палате, не вставая. Не ел. Не говорил. Просто смотрел в потолок, словно пытаясь прочесть в трещинах судьбу. Двадцать дней боли, двадцать дней, когда каждый вдох был как удар.

На двадцать первый день он вдруг сел. Медленно. Словно тело не слушалось. Подошёл к окну. Открыл его. Холодный утренний воздух хлестнул по лицу. Он закурил – первую сигарету за десять лет. Рука дрожала, но он втянул дым глубоко, будто пытался наполнить пустоту внутри чем-то реальным.

За окном – серый Лестер. Туман над крышами. Птицы, кричащие вдали. И тишина.

Он смотрел на город и думал. О Милице. О её смехе. О её руках, которые гладили его по волосам, когда он не мог уснуть. О Элис. О её голосе, звонком, как колокольчик.

– Вы бы не хотели, чтобы я сдался, – прошептал он. – Вы бы сказали: «Живи, Крис. Живи ради нас».

Он затаился ещё раз.

– Я не могу забыть. Но я могу... продолжать.

Не ради себя. Ради них.

Ради Милицы.

Ради Элис.

Спасать. Помогать. Быть тем, кем он был – хирургом, который возвращает жизнь.

Он потушил сигарету, оглядел палату, снял больничную рубашку и надел свой хирургический халат. Тот самый, в котором приехал с места трагедии.

Когда он вышел в коридор, мимо проходил Фред Менинг – его близкий друг, сослуживец, с которым они вместе учились в университете, вместе служили в армии. Фред замер, увидев его.

Фред: Крис... Ты как?

Крис: Честно? Плохо. Но я здесь. Я жив.

Пауза. Фред смотрел на него с болью в глазах.

Крис: Я хочу вернуться к работе.

Фред: Ты уверен?

Крис: Нет. Но если я не начну – никогда не начну.

Фред: Я не против. Но, пожалуйста... начнём с чего-то простого. Под моим присмотром.

Крис: Спасибо.

Прошло два года.

Крис снова стал частью клиники. Он работал, но не чувствовал. Он спасал, но не радовался. Его лицо оставалось непроницаемым, взгляд – пустым. Он жил в доме, который теперь казался ему мавзолеем. Каждый вечер он садился у камина, смотрел на фотографии, пытался услышать смех.

И вот однажды вечером он получил приглашение.

Богатый пациент. Миллионер. Джонатан Хейл. Крис спас ему жизнь – сложная операция на сердце. Теперь Хейл устраивал вечеринки, чтобы «отблагодарить» тех, кто ему помог. Дом в Хэмпстеде. Вино. Еда. Музыка. Крис пришёл – не потому что хотел, а потому что должен. Он стоял у окна, с бокалом в руке, смотрел на сад. Люди смеялись. Говорили. Он – нет.

Через пару часов он решил уйти. Забрал куртку из гардероба. И почувствовал что-то в кармане. Необычное. Он достал. Конверт. И фото. Никто не видел, как туда что-то положили.

Он открыл конверт. Внутри – записка. Четыре слова:

«Хочешь увидеть Милису? Начни с Ричарда.»

Кровь застыла. Он вынул фото. Чёрно-белое. Сделано ночью. На нём – силуэт мужчины и женщины. Женщина – темноволосая, стройная, в длинном пальто. Лицо едва различимо. Но по походке, по форме головы, по тому, как она держала руки – Крис почувствовал, как сердце сжалось. Это могла быть она. Милиса. Нет. Не может быть. Он видел её тело. Обгоревшее. Неузнаваемое. Но... на фото она жива. И стоит рядом с мужчиной.

На обороте фото – карандашная надпись: «Ричард + М...» – остальные буквы стёрты, будто намеренно. А внизу – едва читаемый адрес: «Палермо-стрит, 13».

Он потерял равновесие, опустился на скамью. Пот хлынул по спине.

Крис: Это невозможно...

Он смотрел на фото. И вдруг – вспомнил. В Афганистане. Один из солдат. Ричард. Ричард Морган. Он исчез. Без вести. После нападения на базу. Никто не знал, жив он или мёртв. Крис пытался его найти. Но армия закрыла дело. «Погиб», – сказали они.

Может быть, это он? Этот Ричард? А женщина... может быть, это Милиса? Но как? Почему?

Два дня он не выходил из дома. Сидел в темноте. Смотрел на фото. Перечитывал записку.

Крис: Это шутка? Галлюцинация? Сбой разума?

Но нет. Фото настоящее. Записка – тоже. Кто-то знает. Кто-то подложил. Но кто? И зачем?

Он вспомнил Хейла. Богатый. Связи. Может, он что-то знает? Но зачем ему это? Нет. Это не он. Кто-то другой. Кто-то, кто был на ужине. Кто знал, где висит его куртка.

На третий день он принял решение. Он не может так больше жить. Если есть хоть капля шанса, если Милиса жива, если всё, что он пережил, было обманом, если огонь в доме был не случайностью, а частью какой-то чудовищной игры – он должен узнать правду, даже если она сожжёт его дотла.

Он не может действовать один. Ему нужна помощь. Он вспомнил Чарли Рейнса. Бывшего разведчика. Сослуживца. Того, кого он спас в Афганистане. Пуля в ногу. Инфекция. Ампутация – и была бы неизбежна, если бы не Крис. Чарли был обязан ему жизнью. И он знал, как работать с информацией.

Крис: Чарли, мне нужна твоя помощь.

Чарли: Говори.

Крис: У меня фото. Нужно определить место. Точное. Где находится дом с адресом «Палермо-стрит, 13». Это важно. Очень.

Чарли: Ты где?

Крис: Дома. Я не сплю уже третий день. На фото... женщина. Темноволосая. Я не знаю, кто это. Но... я боюсь, что это Милица. Она мертва. Я видел её тело. Но на фото она жива. И рядом с ней – мужчина. Его имя... Ричард.

Чарли: Ричард? Какой Ричард?

Крис: Я не знаю. Но в Афганистане был солдат – Ричард Морган. Пропал без вести. Может, это он? Я не уверен. Но записка говорит: «Начни с Ричарда».

Чарли: Крис... это может быть подделка. Кто-то играет с тобой.

Крис: Возможно. Но если есть хоть один шанс... я должен пойти.

Чарли: А если это ловушка?

Крис: Тогда пусть будет. Я уже мёртв внутри. Я потерял всё. Что мне терять?

Чарли: Себя. Не превратись в того, кого Милица бы не узнала.

Крис: Я не вернусь прежним. Но если она жива – я должен найти её.

Пауза. Долгая. Чарли вздохнул.

Чарли: Ладно. Пришлю координаты, как только найду. Но обещай – не лезь туда один. Не в лоб. Свяжись со мной, если что.

Крис: Я не могу ждать. Как только узнаешь – звони.

Чарли: Хорошо. Но, Крис... будь осторожен.

Крис: Спасибо, Чарли.

В тот вечер Крис стоял у шкафа, доставал чемодан, медленно складывал вещи: сменную одежду, пистолет, хирургический нож, фото, записку, документы. Он остановился, подошёл к старому комоду, открыл нижний ящик, затем – потайной отсек за дном. Там лежала маленькая деревянная шкатулка. Он открыл её. Внутри – золотое обручальное кольцо. Простое, но тяжёлое. На внутренней стороне – гравировка: «Ты моя жизнь».

Он взял его в руку. Кольцо было тёплым, как воспоминание. Он попытался надеть его на безымянный палец. Пальцы стали толще за годы, шрамы, мозоли хирурга – всё мешало. Он с усилием протолкнул кольцо. Оно встало туго, жало кожу, но он не снял.

Крис: Если я умру, то символ моей любви будет со мной. А если я вернусь – я верну и свою любовь. Я иду, Милица. Ты жива. Я иду.

Он застегнул куртку, закинул чемодан на плечо и вышел в ночь, к Ричарду, к правде, к боли, к надежде, к тому, что, может быть, ещё не всё потеряно.

Глава 2. Начало поиска

Дождь шёл уже третий час, капли, как пули, били в асфальт, разлетаясь в стороны, превращая улицы Лестера в чёрное зеркало, отражающее низкие, тяжёлые тучи, гроза не утихала с полуночи – вспышки молний резали небо на части, будто природа сама пыталась что-то разорвать, что-то скрытое, что не должно быть найдено, и в этой мгле, под шумом воды и грохотом неба, Крис Уэйланд стоял у своей машины – старого «Ленд Ровера», купленного ещё до Афганистана, он открыл дверь, но не сел, замер, рука на крыше, взгляд – вперёд, в темноту, будто пытался разглядеть то, что ещё не проявилось, то, что скрывалось за дождём и за болью, за пеплом воспоминаний и за тенью имени – Ричард.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.